

«ЗАКОНЫ, БОЛЕЕ ЖЕСТОКИЕ, ЧЕМ САМА ВОЙНА»: О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ АМНИСТИИ БОНАПАРТА ЭМИГРАНТАМ

С.Н. Коротков

Изучение французского законодательства революционной эпохи об эмигрантах необходимо, чтобы представить себе полную картину истории эмиграции. В то же время, оно необыкновенно интересно, поскольку в содержании самих законов и в процедуре их принятия проявилась политическая и моральная оценка эмиграции со стороны значительной части французского общества.

Амнистия эмигрантам, предоставленная 26 апреля 1802 г. Первым консулом генералом Н. Бонапартом, признается исследователями, наряду с конкордатом и принятием нового законодательства (Гражданского кодекса и др.), как одна из крупнейших мер по стабилизации режима. Но все же рассмотрению ее в научной литературе уделено недостаточно внимания¹. Даже исследования, посвященные истории эмиграции, редко вводят специальный раздел об амнистии², а ведь она венчает большой период не только правовой, но и политической истории.

Для понимания значения амнистии необходимо обратиться к истории принятия законодательства против эмигрантов. Вызванная неприятием революционных событий эмиграция началась летом 1789 г. Уже 17 июля 1789 г. Францию покинул брат короля граф д'Артуа, а через несколько дней – принцы дома Конде и многие другие представители крупной знати, из-за чего сразу же стала складываться легенда об аристократическом характере эмиграции. После «похода парижанок на Версаль» 5-6 октября 1789 г. и последовавшего переезда королевской семьи, двора, правительства и Учредительного собрания в Париж началась новая волна эмиграции: за границу отправились

Сергей Николаевич Коротков, кандидат исторических наук, докторант Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Отметим современную работу: *Tulard J. L' amnistie des émigrés (26 avril 1802) // La revue Napoléon. 2002. № 10.*

² См.: *Daudet E. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. Т. 1-3. P., 1905-1907; Vidalenc J. Les émigrés français 1789-1825. Caen, 1963.*

«умеренные роялисты» – люди, принимавшие участие в оппозиционном движении кануна и первых дней Революции, ряд депутатов, в частности, бывший председатель Учредительного собрания Мунье. Эмигрировать стало модным.

Для революционного времени характерно возникновение массовых «паник», как особого социально-психологического явления. Летом 1789 г. Францию охватил «Великий страх», подробно изученный Ж. Лефевром³. Это была массовая паника, охватившая крестьян и жителей провинциальных городков в ожидании нападения неведомых «разбойников». Страх этот имел глубокие социально-культурные корни, правда, по мнению ряда историков, его порою вполне сознательно провоцировала прежняя администрация. Одним из результатов «Великого страха» были нападения крестьян на замки. «Аграрный мятеж, экономический кризис, аристократический заговор, страх перед разбойниками – всё вместе, – писал А. Собуль, – это способствовало созданию атмосферы паники»⁴. Страх охватил и французских дворян. Некоторые из них, как и крестьяне, готовились к отражению нападений, но многие спасались бегством. Если в отъезде ближайших родственников короля историки обычно видят тактический ход⁵, то тысячи уехавших дворян стали жертвами страха. «Во многих больших городах, – писал Э. Доде, – новость о парижских событиях высвобождала страсти пламенные, провоцировала восстания войск в гарнизонах. Многие командиры пали жертвами этих мятежей; многим офицерам удалось избежать смерти, только пустившись в бегство»⁶.

Центрами эмиграции стали Рейнская область (Кобленц, Майнц, Вормс), Пьемонт, Австрийские Нидерланды, а затем Англия. За пределами Франции эмигранты создали «армию принцев» и свое правительство, но серьезной самостоятельной военно-политической силой они никогда так и не стали. Тем не менее, во Франции эмигрантов считали «аристократами» и «контрреволюционерами». Позднее участники и современники революционных событий (революционеры и их противники) создали легенды, отражавшие полярные по своей направленности оценки причин эмиграции, ее политической программы и социальной структуры. Представления эти были очень живучими и оказали

³ *Lefebvre G. La Grand Peur de 1789. P., 1956. Новое издание: Lefebvre G. La Grand Peur de 1789. Suiivi de Les Foules révolutionnaires. P., 1988. См. также: История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 210-232.*

⁴ *Soboul A. La Révolution française. P., 1983. P. 157.*

⁵ *Daudet E. Op. cit. Т. 3. P. 6.; Миллер К. Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж, 1931. С. 39.*

⁶ *Daudet E. Op. cit. P. 7.*

большое влияние на историографию. Наиболее распространенной из них стала легенда о дворянском характере эмиграции и о том, что она поголовно разделяла контрреволюционные настроения принцев.

Эмиграция вызывала обеспокоенность революционных кругов, но законодательное ограничение на эмиграцию не вводилось. XVIII века – век космополитизма. Многие французы при Старом порядке переезжали в другие страны, поступали там на военную службу, и это не рассматривалось как государственная измена. Терпимость эпохи Просвещения была закреплена конституционными документами Революции: Декларацией прав человека и гражданина и конституцией 1791 г.

Вместе с тем, факт отъезда из страны многих представителей знати использовался в пропаганде сторонников нового режима как подтверждение якобы существующих аристократических «заговоров». Официозная газета *Moniteur* время от времени, хотя и не очень часто, обращалась к этой теме. Так, 12 декабря 1790 г. были опубликованы обращение граждан из департамента Вар с очень энергичным требованием принять меры против «врагов свободы» и копия письма, полученного администрацией того же департамента из муниципалитета Антиб от 22 ноября 1790 г., где говорилось об опасности, которую представляют французские «беженцы» (*réfugiés*) в Ницце⁷. Характерно, что в начале Революции термин *réfugiés* (беженцы) употребляется наравне с относительно новым в политической словаре словом *émigrés* (эмигранты).

За редким исключением⁸ эмиграция происходила спокойно и без какого-либо сопротивления со стороны властей. Депутаты заметно отставали от общественного мнения, все более подозрительно относившегося к эмиграции. Единственное ограничение, коснувшееся эмигрантов, было введено 17 февраля 1791 г.: по докладу депутата Камю, Собрание приняло декрет о сокращении выплат из различных фондов французам, находившимся в то время за рубежом⁹.

Беспокойство вызывали, пожалуй, только гипотетические планы отъезда короля из Парижа, слухи о которых будоражили народ. Особенно парижане заволновались после отъезда в Рим теток короля Марии-Аделаиды и Виктории-Луизы 19 февраля 1791 г. Три дня спустя толпа народа ворвалась в Люксембургский дворец, резиденцию брата короля графа Прованского, и взяла с него слово, что он никогда не оставит короля. Для надежности графа заставили переселиться в Тюильри.

⁷ Réimpression de l'ancien *Moniteur*. P., 1850-1854. Т. 6. P. 601-602. (Далее – *Moniteur*).

⁸ *Vidalenc J.* Op. cit. P. 19-20.

⁹ *Moniteur*. Т. 7. P. 403.

Отъезд же теток короля побудил Учредительное собрание обсудить вопрос об эмиграции. Дело, правда, свелось к спорам о допустимом месте пребывания членов королевской семьи, однако и при такой постановке данный вопрос оказался для законодателей очень сложным.

На заседании Учредительного собрания 21 февраля 1791 г. Мартино потребовал у конституционного комитета подготовить проект закона об эмигрантах: «Декларация прав позволяет каждому гражданину уезжать и возвращаться туда, где ему кажется лучше, но мне думается, что есть обстоятельства, которые требуют внести изменения в эти принципы. Не должно оставлять безразличным то, что граждане могут отсутствовать в стране»¹⁰. Такой поворот дискуссии вызвал острые и по существу, и форме дебаты. Депутат Фуко поставил вопрос о принципиальной причине эмиграции. Она, считал он, в том, что «общественное спокойствие не восстановилось ни в городах, ни в провинции, в том, что собственность граждан не обеспечена. Кто привяжет гражданина к родине?»¹¹ Заседание 21 февраля закончилось тем, что огромным большинством голосов было принято решение поручить конституционному комитету подготовку законопроекта об обязанностях всех членов королевской семьи и проработку вопроса о возможности запретить гражданам покидать родину в кризисный момент. 25 февраля, когда Национальное собрание вернулись к этому вопросу, обсуждение превратилось в жесткую перепалку. Депутаты выступали, не слушая друг друга. Одновременно говорили лидеры правых Казалес и Монлозье. Казалес пытался выразить свою мысль («мне, как и Шапелье, больше по душе, чтобы был декретирован конституционный закон»), а Монлозье кричал «Да здравствует король!» и жестами призывал «правую» встать¹². Как видим, столкнулись различные позиции. Роялисты защищали прерогативы короны, обеспеченные конституцией, ссылаясь на естественные права (!). Их противники были достаточно осторожны, и ставили вопрос об изменениях в законе, также ссылаясь на естественные права и цитируя Ж.-Ж. Руссо, полагавшего, что в некоторых случаях права можно ограничивать.

Комиссия, созданная Собранием, пришла некоторое время спустя к заключению, что «запрещение эмиграции противоречило бы началам, положенным в основу конституции».

Как писал французский исследователь Ж. Видалян, «потребовалось Вареннское бегство, чтобы Национальное собрание выступило

---

¹⁰ Ibid. P. 422.

¹¹ Ibid. P. 443.

¹² Ibid. P. 486.

против» эмиграции¹³. Но и во время Вареннского кризиса июня 1791 г., вызванного попыткой короля уехать из Парижа, решение проблемы эмиграции представлялось весьма трудным и с юридической, и с политической точки зрения.

На заседании Собрания 25 июня 1791 г., когда король еще не был доставлен в Париж, депутаты внесли первые ограничения на свободу передвижения. Морель, указав на то, что «толпы французских офицеров находятся вне королевства и г-н д'Артуа постоянно получает к себе подкрепления из Франции», потребовал, чтобы все офицеры были вызваны к местам службы и чтобы все выплаты для тех из них, кто находится за границей, были прекращены. Сан-Мартен потребовал издания закона об эмиграции, а Камю – прекращения вообще любых выплат за границу. Эммери предложил декретировать, что в 5 лье от границы все должны путешествовать с паспортами. Соответствующие решения сразу же были приняты¹⁴.

У противников запрета на эмиграцию было много серьезных доводов. Так, Ребель говорил о том, что есть много эмигрантов, уезжающих не для борьбы с революцией, а в поисках покоя и безопасности, и что гораздо лучше иметь открытых врагов у порога страны, чем бесполезных и опасных – внутри; к тому же закон против эмиграции не достигнет цели. «Само собой разумеется, – говорил оратор, – что если бы эмигранты вооружились и напали на нас, то надо было бы беспощадно с ними расправиться, но что касается обычной эмиграции, необходимо предоставить каждому возможность поступать по своему желанию». Некоторые депутаты отмечали, что эмиграцию не остановить, другие – что среди эмигрантов есть много людей, не имеющих к «аристократам» (на революционном языке – к «контр-революционерам») отношения. Ввести ограничения, не нарушая прав и свобод, было делом очень трудным!

После долгих обсуждений проблемы с 9 июля по 6 августа 1791 г. был принят закон о тройном налогообложении имущества эмигрантов. Этот закон был отменен 14 сентября 1791 г. королевской амнистией, дарованной по поводу утверждения Людовиком XVI конституции. Учредительное собрание так и не смогло принять закон об ограничении права на перемещение.

1 октября 1791 г. открыло свою работу Законодательное собрание. Для большинства его депутатов – либеральных юристов – свободы, в том числе свобода передвижения, были святы, однако проблема

---

¹³ Vidalenc J. Op. cit. P. 20.

¹⁴ Moniteur. T. 8. P. 739

эмиграции существовала объективно, поскольку враждебная деятельность принцев стала очевидна. После Вареннского кризиса, задержания короля и его семьи европейские монархи получили повод для вмешательства во внутренние дела Франции, а граф Прованский попытался провозгласить себя регентом на том основании, что король и дофин не свободны. С другой стороны, жирондисты избрали войну как средство борьбы за углубление революции и за власть¹⁵. Деятельность эмигрантов, опасность которой еще сильно преувеличивали, оказывалась в этой ситуации козырной картой. В обсуждении вопроса приняли участие ведущие ораторы Законодательного собрания.

20 октября 1791 г. вопрос об эмиграции был поставлен в повестку дня. 60 человек записались на выступления. Первым взял слово Лекиньо. «Должны ли депутаты остановить эмиграцию? – спрашивал он. – Должны ли наказать эмигрантов? И каким образом наказать?» Депутат говорил о том, что запрет на эмиграцию не отвечает ни принципам, ни интересам страны: не надо удерживать в ней тех, кто не поможет в трудную минуту. Лекиньо предлагал различать эмигрантов и наказывать только тех, кто поднимет оружие против родины. Имущество последних, говорил он, должно быть конфисковано, но можно ли проводить конфискацию до того, как совершено преступление? В результате, Лекиньо предложил лишь наказать офицеров-дезертиров¹⁶.

После его пространной речи прозвучало несколько кратких и весьма резких по отношению к эмигрантам выступлений. Крестен рекомендовал наказать не только офицеров, но и чиновников-эмигрантов. Затем с большой речью выступил один из лидеров жирондистов Бриссо. Он предложил разделить эмигрантов на три класса: 1) главные вожди – принцы, 2) *обладающие большим влиянием* государственные чиновники, оказывающие влияние на своих коллег, 3) обыкновенные граждане. «Ваши удары, – говорил Бриссо депутатам, – должны пасть на первые два класса». Он выдвинул проект достаточно сурового закона, согласно которому эмигрантам предлагалось вернуться в течение месяца; принцы лишались права на престол; за активные действия против страны эмигранты подлежали суду; вводился запрет на выезд из страны без паспорта, выданного местными властями (для служащих – начальством); запрет на вывоз военного снаряжения; в отношении тех иностранных властей, которые поддерживают эмигрантов и мятежников, Собрание оставляло за собой право на соответствующие меры воздействия¹⁷. Затем слово взял Кондорсе, один

---

¹⁵ Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб., 2003. С. 156-157.

¹⁶ *Moniteur*. Т. 10. Р. 159-161.

¹⁷ *Ibid.* Р. 157.

из поздних просветителей, известный ученый, защитник прав и свобод. Он предложил очень мягкий закон, который не осуждал бы человека только за отсутствие в стране¹⁸. Даже в протоколе было записано, что выступление Кондорсе произвело на депутатов большое впечатление. Ему ответил блестящий оратор Верньо, один из лидеров жирондистов. Он разобрал один из тезисов Кондорсе, а именно – находится ли Франция в таких условиях, которые дают право принимать меры против эмигрантов? Верньо дал утвердительный ответ на этот вопрос. Он использовал идею просветителей, что «есть обстоятельства, при которых нация может, не нанося ущерба справедливости, покарать (réprimer) эмигрантов, которые затрагивают ее спокойствие»¹⁹.

Дискуссия в Собрании об эмиграции показывает, что современники прекрасно видели различия в позиции эмигрантов, причинах их отъезда. Юридически эмиграция была законна, но логика развития Революции привела к ее политическому осуждению. Общественное мнение революционной Франции повернулось против эмигрантов. Депутаты, словно сами себя подхлестывали, читая письма из провинции, с границ, статьи в официозной прессе о военных приготовлениях принцев.

Закон 9 ноября 1791 г. предоставил всем эмигрантам под угрозой лишения всех должностей и доходов срок до 1 января 1792 г. для возвращения, а в случае тайного возвращения после указанного срока – объявлял их виновными в заговоре и подлежащими казни. Король наложил вето на закон, но обратился к эмигрантам с прокламацией, призывая вернуться во Францию. Вето короля вызвало бурю негодования, и ситуацию для эмигрантов не изменило.

Отражением негативного отношения революционных властей к эмиграции стал закон от 9-12 февраля 1792 г., которым, «в виду неотложной необходимости возместить расходы, вызванные поведением эмигрантов», вводился секвестр их имущества. Однако ни Законодательное собрание, ни жирондистский Конвент не пустили имущества эмигрантов в продажу.

После восстания 10 августа 1792 г., свергнувшего монархию, и с созывом Конвента давление на эмигрантов усилилось. 23 октября 1792 г. были декретированы вечное изгнание эмигрантам и казнь вернувшимся. 4 декабря 1792 г. было принято решение о конфискации имущества эмигрантов в тех странах, которые будут завоеваны.

В якобинский период меры против эмигрантов ужесточились: репрессии были распространены на членов их семей. Все, «кто

¹⁸ Moniteur. Т. 10. Р. 205-207.

¹⁹ Ibid. Р. 208.

собирался у границ», объявлялись осужденными на смерть. Их родственники, если им было больше 10 лет и если они поддерживали с эмигрантами связь, их должники, «если они неблагоразумно принимали решение заплатить свои долги, подвергались тому же наказанию», эмигранты лишались наград, их браки признавались недействительными в силу самого факта эмиграции, их имущество подлежало конфискации²⁰. Наконец, монтаньяры уже на следующий день после прихода к власти приняли декрет о распродаже эмигрантских имуществ. Это стало одним из важнейших инструментов социальных преобразований в ходе Французской революции²¹, в целом эта операция содействовала формированию новой буржуазии и развитию буржуазного общества во Франции.

В якобинский период давление на эмигрантов достигло кульминации. Вместе с тем, далеко не все французы торопились доносить на тех, кто сохранял отношения с эмигрантами. К тому же допускалось огромное количество ошибок при определении статуса «эмигрант». Им, по воле местных властей, мог стать любой отсутствующий – отправившийся на сезонную работу или человек, имеющий собственность в нескольких департаментах.

После переворота 9 термидора законодательство в отношении эмигрантов было смягчено. 5 брюмера III года (25 октября 1794 г.) им позволили пользоваться своим имуществом, если органы местной администрации дают на это согласие. 15 фримера (5 декабря 1794 г.) Конвент разрешил вернуться 2 тыс. граждан департаментов Верхнего и Нижнего Рейна, пострадавшим от деятельности комиссаров Конвента Сен-Жюста и Леба. В начале 1795 г. от секвестра были освобождены родственники эмигрантов по восходящей линии. Декрет от 12 флореаля (1 мая 1795 г.) разрешал наследовать эмигрантам²². Впрочем, возвращение большого числа лиц из-за границы, всеобщее волнение, вызванное их стремлением вернуть свое имущество²³ и восстановить монархию, а

²⁰ Daudet E. Op.cit. P. 118.

²¹ Коротков С.Н. О роли национальных имуществ в «рождении» новой буржуазии // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М., 1988. С. 96.

²² Buchez Ph., Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française. P., 1834-1838. T. 36. P. 202.

²³ Даже в 1798-99 гг., придя к пониманию невозможности и ненужности восстановления Старого порядка и будучи готовым к серьезным уступкам по многим вопросам, окружение Людовика XVIII считало возвращение конфискованных имуществ бывшим владельцам естественным, и не решило, нужно ли платить компенсацию новым владельцам национальных имуществ. См.: Бовькин Д.Ю. «Ничего не забыли и многому научились...» Проекты реставрации монархии в 1799 г. // Французский ежегодник. 2005. М., 2005. С. 243-244.

также убийства на Юге, в особенности в Лионе, вмененные в вину роялистам, заставили Конвент «не ослаблять в этом пункте революционную энергию». По докладу Шенье был отменен прежний суровый закон об эмиграции, однако Конвент, по словам Ф. Бюше, лишь исправлял «следствия собственной непредусмотрительности»²⁴. Несколько важнейших обстоятельств одновременно влияли на общественное отношение к эмигрантам, и, как следствие, на законодательство. С одной стороны, среди эмигрантов было немного прямых противников Республики²⁵, отъезд многих из них был вынужденным. Кроме того, сохранялось представление (разделявшееся, как мы видели, ранее и многими законодателями) о невозможности запрета на выезд из страны и на продолжение жестких преследований эмигрантов. При обсуждении в Конвенте вопроса об исключении определенных категорий лиц из списков эмигрантов прозвучало очень любопытное заявление, что «если эмигранты будут подчинены нормальному порядку судопроизводства, они будут почти все оправданы»²⁶. Но, с другой стороны, не прошли даром и несколько лет гражданской войны, когда войска эмигрантов сражались против Республики. Те французы, кто никогда не оставлял родины, отнюдь не обязаны были испытывать чувство вины перед эмигрантами, а возвращение последних с восстановлением во всех правах (это представлялось естественным в отношении тех, кого признали бы невиновным) затронуло бы множество покупателей национальных имуществ. Поэтому отмена законов против эмигрантов так никогда и не была проведена в годы Революции. Процесс возвращения эмигрантов оказался медленным и сложным. В существующие законы лишь вносились некоторые уточнения, по духу противоречившие самим законам.

В свою очередь, многие из уехавших, как они признавались сами, «наелись эмиграции по горло» и, надеясь на возвращение, «обещали, что о них больше не услышат»²⁷. Такие настроения облегчали

²⁴ *Buchez Ph., Roux P.* Op. cit. P. 203.

²⁵ «Эмиграция часто представляется как демонстрация готовности к борьбе за свержение нового режима, — пишет Ж. Видалян. — Истина обязывает признать, что, за исключением периода с июля по сентябрь 1792 г., число французов находившихся под каким-либо знаменем кроме трехцветного (т.е. не на революционной службе — С.К.) не превышало пяти тысяч человек». — *Vidalenc J.* Op. cit.. P. 453.

²⁶ Цит. по: *Левин И.* Эмиграция французской революции. Берлин, 1923. С. 139. Фуше, бывший террорист, ставший после Термидора заступником эмигрантов, называл законы о них «более жестокими, чем сама война, ибо эти законы не делают различий между теми, которые бежали от наших законов, и теми, которые с ними боролись; между теми, которые бежали от свободы и теми, которые бежали от террора...» — Там же. С. 158.

²⁷ Цит. по: *Vidalenc J.* Op. cit. P. 133-134.

достижение компромисса: та часть эмиграции, которая, будучи готова принять положение лиц, лишь «терпимых» у себя на родине, понемногу возвращалась. Еще и до падения робеспьеристов тайное возвращение эмигрантов, несмотря на опасность, не было редкостью, то во второй половине 1794 г. оно стало массовым явлением²⁸.

Однако после разгрома в июне 1795 г. высадившихся на западном побережье Франции у мыса Киброн роялистов, началось новое ужесточение законодательства против эмигрантов. В Конституции III года (1795 г.) говорилось: «французская нация заявляет, что ни в каком случае не позволяет возвращение французов, оставивших свою родину после 15 июля 1789 г., не включенных в исключения, внесенные в законы против эмигрантов, и она не позволяет законодательному корпусу создавать новые исключения. Национальные имущества безвозвратно перешли в пользу Республики». Отдельно (в статье 374 конституции) закреплялись права покупателей национальных имуществ, «какого бы те ни были происхождения» (то есть церковные, эмигрантские или осужденных врагов Революции)²⁹. После принятия конституции 1795 г. власти провели амнистию, но эмигранты и неприсягнувшие священники были исключены из нее.

Затем отношение к эмигрантам вновь начало меняться, многие вернулись во Францию, чтобы жить на положении «едва терпимых», но все же не преследуемых. Большое количество эмигрантов перебралось поближе к границам Франции в надежде вскоре вернуться. Из списков эмигрантов постоянно вычеркивались все новые имена – тех, кто имел во Франции влиятельных защитников.

Переворот 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.), качнувший «политические качели» влево, вновь привел к усилению давления на эмигрантов. До 18 фрюктидора эмигрантам можно было «свободно прогуливаться повсюду, уезжать и возвращаться в любом месте без всякой опасности. Но с этого времени все совершенно переменялось. Преследование эмигрантов и “подозрительных” возобновилось с новой яростью», – свидетельствует мемуарист³⁰.

²⁸ См.: *Formeron H. Histoire générale des émigrés pendant la Révolution française*. P., 1884. Т. 1. P. 83-85, 115-116. Рошешуар, покинувший в юном возрасте Францию, в своих мемуарах рассказывает о неоднократных возвращениях на родину. Зимой 1794/95 гг. они с братом провели в Каннах, а затем отправились к бабушке в Вилькрэн под Парижем, потом – к отцу в Монтиньи. Мать, с которой он и его брат были разлучены в эмиграции, посещала их во время переезда из Швейцарии в Англию. Затем братья, прожив около двух лет в Швейцарии, весной 1798 г. вернулись в Париж, чтобы в июле уехать к матери в Лондон. И все это без решения вопроса об исключении из списка эмигрантов. – Мемуары графа де Рошешуара. Пг., 1914. С. 21-25 и др.

²⁹ *Buchez Ph. et Roux P.* Op. cit. P. 517.

³⁰ *De Mautort. Mémoires.* – Цит. по: *Vidalenc J.* Op. cit. P. 131.

В период Директории произошли изменения в общественном отношении к эмигрантам и в законодательстве, но в целом антиэмигрантские законы не были отменены. Эмигрантам по-прежнему угрожала смертная казнь в случае возвращения на родину.

Для стабилизации режима, установленного после переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), требовалось решить старые проблемы. Лично Наполеон Бонапарт разделял вражду к эмигрантам, которая была свойственна даже умеренным революционерам³¹, тем не менее, он начал процесс примирения с эмиграцией, правда, делал это с позиции силы. Вскоре после переворота 18 брюмера новые власти отменили ряд ограничений для эмигрантов. Те, кто был вынужден покинуть Францию после переворота 18 фрюктидора, получили право вернуться. После принятия конституции VIII года (1799 г.), на первом же своем заседании 4 нивоза (25 декабря 1799 г.) Государственный совет высказал мнение, что, по общему смыслу новой конституции, все законы, воспрещавшие бывшим дворянам и родственникам эмигрантов доступ к общественным должностям, должны быть признаны недействительными³². Наконец, 20 октября 1800 г. Бонапарт предписал пересмотреть списки эмигрантов и вычеркнуть из них тех лиц, которые не представляли опасности для нового режима. На основании этого постановления на родину вернулось около 52 тыс. человек³³. Вот это была настоящая амнистия! Не меняя антиэмигрантского законодательства, Первый консул добился возвращения на родину значительной части эмигрантов (всего эмигрантов, по данным Д. Грира, было около 150 тыс.³⁴). В целом, проблема для нового режима была решена. Такая практика постепенного признания прав эмигрантов, без отказа от революционного законодательства, позволяла многим людям вернуться домой. И все же необходимо было и юридическое завершение всей истории с эмиграцией. Известно, что курс Н. Бонапарта на достижения соглашения с церковью и эмигрантами вызвал определенное сопротивление во Франции. Этот курс был не только свидетельством некоторого сдвига власти вправо, но и являлся необходимостью для закрепления завоеваний Революции. Среди крестьян церковь оставалась уважаемой, а фактическое признание церковью и эмигрантами незыблемости

³¹ Левин И. Указ. соч. С. 144. И. Левин полагал, что нелюбовь Наполеона к эмигрантам объяснялась тем, что он в походах повсюду встречал их в рядах врагов (так, обороной Сен-Жан д'Акр руководил Лепикор де Филиппо), но это лишь предположение. Там же. С. 150-151.

³² *Buchez Ph., Roux P.* Op. cit. Т. 38. P. 322-323.

³³ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 564.

³⁴ *Greer D.* The incidence of the emigration during the French revolution. Cambridge, 1951. P. 113.

революционных преобразований в социальной области и результатов распродажи национальных имуществ имело важное значение для большинства населения страны.

Венцом законодательства об эмигрантах стал сенатус-консулт от 6 флореаля X года (26 апреля 1802 г.) об амнистии. Она предоставлялась по заранее составленному списку (то есть не была всеобщей), и «тем лицам, ... которые не были вычеркнуты из списков» ранее. Напомним, что в 1800 г. список был сокращен наполовину. Не носила она и безусловного и бессрочного характера: амнистию надо было *принять* и *успеть* вернуться во Францию до 23 сентября того же 1802 г. (1 вандемьера IX года, то есть до наступления нового года по республиканскому календарю). Вернувшись, надо было принести присягу на верность Республике и согласиться оставаться под надзором властей в течение 10 лет. Согласно статье 17, бывшим эмигрантам не полагалась компенсация за потерянные в годы Революции ценности, но возвращалось то, что не было продано из фонда национальных имуществ. Те, кто не успевал вернуться к установленному сроку, выпадали из-под действия амнистии. Исключались из нее и вожаки вооруженных вражеских соединений, активные участники гражданской войны и т.п.³⁵ В сочетании с конкордатом, заключенным 14 июля 1801 г., амнистия эмигрантам гарантировала стабильность режиму. Конкордат признало большинство священников, а амнистию приняло большинство эмигрантов.

В России существовало правило: уезжая из Петербурга, надо было дать объявление об этом в газете. В 1800-1802 гг. «Санкт-Петербургские ведомости» были переполнены объявлениями об отъезжающих французах³⁶.

* * *

Изучение законодательства об эмигрантах и, как его части, амнистии позволяет увидеть в новом свете многие аспекты Французской революции. Распадаются на многие составляющие «революционный» и «контрреволюционный» блоки. Мы не видим однозначного признания на родине эмигрантов врагами. Сами эмигранты не выглядят единой сплоченной массой, энергично и целеустремленно добывающейся восстановления дореволюционного режима.

³⁵ *Buchez Ph., Roux P.* Op. cit. Т. 38. P. 407.

³⁶ *Коротков С.Н.* «Россия – это то место на земле, где благомыслящие французы пользуются наибольшим уважением и наибольшей безопасностью», или Почему французские эмигранты уезжали из Петербурга в конце XVIII в. // Россия и Франция. Культура в эпоху перемен: Материалы докладов VII международной научной конференции. СПб., 2004. С. 112-113.

Предоставление амнистии, и принятие ее значительной частью эмиграции было делом необычайно сложным и стало возможно по истечении большого периода времени. Консульский указ об амнистии должен рассматриваться не только как часть законодательства об эмигрантах, но и в контексте развития всего французского общества.